

Р. А. НАСЛЕДОВА

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ ФЕССАЛОНИКИ КОНЦА IX—НАЧАЛА X в.
ПО ДАННЫМ ИОАННА КАМЕНИАТЫ

Фессалоника — второй после Константинополя по своей величине и своему значению город Византийской империи, неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Вслед за монографией Беллея, вышедшей в свет еще в 1777 г.,¹ и фундаментальным трудом Т. Тафеля, появившемся в 1839 г.,² последовала целая серия работ О. Тафрала, Ш. Дила и других исследователей, посвященных Фессалонике.³ В этих работах дано в основном подробное изложение внешнеполитической истории города, освещение истории Фессалоники как религиозного, административного и культурного центра империи; значительное внимание уделено архитектурным памятникам Фессалоники.

Приступив к разработке проблемы византийского города, советские византилисты (Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов и др.) также отводят большое место Фессалонике, ставя основной своей задачей изучение ее социально-экономической жизни.⁴

Для характеристики Фессалоники конца IX—начала X в. учеными неизменно привлекаются при этом свидетельства фессалоникского клирика Иоанна Камениаты, оставившего сочинение о захвате в 904 г.

¹ Belle y. Observations sur l'histoire et sur les monuments de la ville de Thessalonique. Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XXXVIII, Paris, 1777, sect. hist., стр. 121—146.

² Th. L. Fr. Tafel. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica. Bero- lini, 1839 (ср.: он же. Historia Thessalonicae. Tubingae, 1835).

³ O. Tafra li. Thessalonique au XIV siècle. Paris, 1912; он же. Topographie de Thessalonique. Paris, 1913; он же. Thessalonique dès origines au XIV siècle. Paris, 1919; Ch. Diehl. La cité de saint Démétrius. L'Orient byzantin, Paris, 1917, гл. III, стр. 25—35; Ch. Diehl, M. Le Tourneau, H. Saladin. Les monuments chrétiens de Salonique. Paris, 1918, с дополнительной статьей: L. Bréhier. Salonique et la civilisation byzantine. Journal des Savants, t. 17, 1919, стр. 249—259, 295—311; Ch. Diehl. Salonique. Paris, 1920. В 1950 г. появилась работа: Ch. Delvoyé. Salonique, seconde capitale de l'empire byzantin et ses monuments. Revue de l'Université de Bruxelles, juillet-août, 1950, № 5, стр. 391—444, где дается как перечень новейших работ о Фессалонике, так и указания на всю обширную библиографию о городе вообще (стр. 394).

⁴ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 113—131; М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Свердловск, 1953.

его родного города арабскими корсарами.¹ Однако эти свидетельства Камениады, содержащие исключительно ценные данные о ремесле и торговле Фессалоники и являющиеся, ввиду отсутствия других сколько-нибудь значительных показаний источников, основным материалом для характеристики экономической жизни города в этот период, не были подвергнуты достаточно полному анализу ни в одной из имеющихся по настоящий день работ зарубежных и советских авторов. Этой цели и служит настоящая статья.

Фессалоника,² неизменно оставшаяся на всем протяжении существования Византийской империи одним из ее крупнейших торгово-ремесленных, административных, военно-стратегических и культурных центров, принадлежала к числу тех ее городов, которые перешли в средневековье в „готовом виде из прошлой истории“.³ Основание города относится еще к эллинистической эпохе;⁴ уже тогда, пользуясь своими преимуществами приморского города, Фессалоника пробовала соперничать с древними столицами македонского царства — Эдессой и Пеллой. Еще более окрепнув в первые столетия римского владычества, Фессалоника явилась одним из тех городов Восточно-Римской империи, которые сумели сохранить в трудный период кризиса рабовладельческого общества и варварских вторжений ремесленный производственный и торговлю и смягчить тем самым кризис рабовладельческого хозяйства, под тяжестью которого рухнула Западная империя.

Величина, богатство и многолюдие Фессалоники неоднократно прославляются писателями как римского, так и византийского времени; к ней прилагаются многочисленные эпитеты, подчеркивающие то исключительное положение, которое она тогда занимала.⁵ Иоанн Камениада

¹ Сочинение И. Камениады „Ἰωάννου κληρικοῦ καὶ κουβουκλειστοῦ τοῦ Καμενιάτου εἰς τὴν ἄλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης“ впервые было издано в 1653 г. греком Львом Аляридем (Leonis Allatii Συμρικτᾶ sive opuscula graecorum et latinorum vetustiorum ac recentiorum ed. a Nihusio, II. Coloniae Agrippinae, 1653, p. 179 sq.; другое издание: Romae, 1668); вновь переиздано с писателями „после Феофана“ Французском Комбефизом (Historiae Byzantinae post Theophanem scriptores, Paris, 1685, стр. 317 сл.) и затем с Продолжателем Феофана — И. Беккером в Боннском корпусе (Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, стр. 487 сл.). С Боннского корпуса перепечатано у Миня в его „Греческой патрологии“ (MPG, 109, стр. 525 сл.).

² Имя города имеет несколько орфографий; в различное время, различными авторами и у различных народов город назывался по-разному (O. Tafraли. Topographie de Thessalonique, стр. 3 сл.). Камениада называет город Θεσσαλονίκη, в соответствии с чем мы придерживаемся здесь этой транскрипции.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 41.

⁴ Источники не сообщают точной даты основания Фессалоники. Исходя из свидетельства Страбона (Strab. Geogr., VII, с. 330, frg. 21, 24, Berolini, II, 1847, стр. 79, 81) о том, что город был основан царем Македонии Кассандром (315—296 гг. до н. э.) и назван по имени жены последнего, дочери Филиппа II, Фессалоники, его основание относят обычно к концу 316 или началу 315 г. до н. э., на которые падает время женитьбы Кассандра на дочери Филиппа II. Согласно другому варианту город был основан Филиппом II (359—336 гг. до н. э.) и назван с целью увековечить одержанную им в этом месте победу над фессалийцами — Θεσσαλῶν νίκη и одновременно почтить память своей дочери. Однако об этой победе Филиппа II ничего не известно и, как справедливо указал Тафрали (O. Tafraли. Topographie de Thessalonique, стр. 1 сл.), имя это в подобной трактовке скорее означало бы победу самих фессалийцев. В настоящее время наиболее правдоподобной считается первая версия, приписывающая основание города Кассандру.

⁵ Strab. Geogr., VII, с. 323, 7, § 4, Berolini, II, 1847, стр. 61; Antip. epigr., 14, Anthol. Palat. Parisiis, II, 1872, cap. IX, epigr. 428, стр. 88; Theod. Hist. eccl., V, cap. XVII, MPG, 82, стр. 1232. В житийной литературе: Acta Demetrii, MPG, 116, стр. 1204, 1213, 1256, 1264, 1285, 1333, 1337, 1340, 1357. (См. также: H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Abhandlungen der philologisch-

характеризует Фессалонику своего времени как „большой и обширный город“,¹ как „великий и первый город Македонии“,² не только „не уступающий ни одному из близлежащих городов“,³ но и „несравненно их превосходящий“,⁴ город, „с которым ничто из вещей прекрасных не в состоянии соперничать в блеске“.⁵

После взятия, разграбления и страшного опустошения, учиненного арабами в 904 г. и норманнами в 1185 г., Фессалоника находила в себе силы и возможности быстро оправляться и занимать свое прежнее положение. Житие Фотия Фессалийского отмечает, что Фессалоника „стояла в главе фессалийских городов, а лучше сказать, была расположена среди них и, как царица, окружена с обеих сторон их свитой“.⁶ Византийские источники XII—XIV вв. постоянно говорят о богатстве Фессалоники, указывают на ее выдающееся положение в империи, именуют ее великим городом.⁷

Этому многовековому процветанию Фессалоники, ее живучести и стойкости по сравнению с другими городами эллинистического, римского и византийского времени, ее способности быстро налаживать беспрепятственно нарушавшиеся частыми войнами торговые связи, успешно восстанавливать свое ремесленное производство и неизменно занимать второе после Константинополя место в Византийской империи в значительной мере способствовало исключительно удобное географическое расположение города. Хорошо известно, какое огромное значение имело географическое местоположение для развития городов древности и средневековья, а среди этих городов найдется, пожалуй, очень немного таких, которые могли бы соперничать в этом отношении с Фессалоникой.

Расположенная в самой глубине спокойного Термейского (ныне Салоникского) залива и владевшая превосходной гаванью, Фессалоника занимала прекрасное положение на море. Она имела также и все преимущества хорошо расположенного сухопутного места: плодородные македонские земли, прилегавшие к городу, служили прочным основанием для ее благосостояния, а в силу своего расположения на скрещении важнейших исторических путей Балканского полуострова, идущих от Адриатики на восток и от Эгейского моря на север, Фессалоника имела возможность развивать свои торговые связи с самыми отдаленными странами тогдашнего мира, являясь в то же время естественным рынком для всего огромного пространства окружающих ее земель.

Само собой разумеется, успешное использование всех этих преимуществ, предоставляемых Фессалонике ее удобным местоположением,

historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XVIII, № V, Leipzig., 1899, стр. 43); Житие и подвиги Феодоры Солунской. Изд. еп. Арсения. Юрьев, 1899, стр. 4 и 41; 11 и 49; 27 и 68; 33 и 75; Повествование о перенесении мощей Феодоры. Изд. E. Kurtz, Записки Академии Наук, Ист.-фил. отд., т. VI, серия 8, № 1, СПб., 1902, стр. 43; Житие Евфимия Нового. Изд. L. Petit, Revue de l'Orient chrétien, VII, Paris, 1903, стр. 193 и др.

¹ Сам., стр. 491₁₉; стр. 498₅.

² Сам., стр. 490₈.

³ Сам., стр. 490₉₋₁₀.

⁴ Сам., стр. 498₂₋₃.

⁵ Сам., стр. 524₂₃₋₅₂₅₁.

⁶ Похвальное слово св. Фотию Фессалийскому. Изд. еп. Арсения. Новгород, 1897, стр. 13—14.

⁷ Niceph. Chumnos, ed. Boissonade. Anecdota Graeca, II, стр. 137; Eustath. Opuscula, ed. Tafel, стр. 304 сл.; Cantac., III, 93 (Bonn, II, стр. 573); Geogr. Pachym., De Mich. Palaeol., VI, 23 (Bonn, стр. 477); Niceph. Gregoras, II, 2 (Bonn, I, стр. 26),

зависело как от общего хода социально-экономического развития самой Византийской империи и окружавших ее стран, так и от той или иной внешнеполитической конъюнктуры и различного рода местных обстоятельств.

Последние десятилетия IX и начало X столетия были временем, благоприятным во многих отношениях для экономического развития Фессалоники. После бурного периода иконоборчества и грозных выступлений народных низов VIII и первой половины IX в., господствующие верхи феодального общества Византийской империи, объединив свои силы, добились временного затишья во внутренней жизни страны; Византийская империя продолжала сохранять свою промышленную и торговую гегемонию и монополию в торговле между Западом и Востоком, поддерживать мировое значение своей монеты. К концу IX в. успели отойти в далекое прошлое осады Фессалоники заселившими византийскую Македонию славянскими племенами; если славяне и теперь проявляли подчас свою независимость и непокорность византийской власти, то это были, все-таки, лишь кратковременные эпизоды, сменявшиеся длительными периодами мирного сосуществования.

Чрезвычайно благоприятно отразилось на Фессалонике и установление после смерти Крума (815 г.) и особенно после мирного договора 864 г. дружественных отношений между Византией и Болгарией. Правда, этот мирный период был прерван незадолго до описываемого Каменитой времени, в 894 г., когда Симеон в ответ на перенесение болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику, имевшее своим следствием обложение болгарских торговцев непомерно высокими пошлинами, увеличение пути и времени их торговых операций и вместе с тем умаление политического значения Болгарии в Византии, начал против империи войну. Однако военные действия, неоднократно прерывавшиеся вследствие дипломатических маневров обеих сторон, проходили, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении источники, вдали от Фессалоники. Хронология этой войны до сих пор точно не установлена. Годом ее начала В. Н. Златарский,¹ а за ним Ф. Дворник,² Д. Ангелов³ и другие считают 894 год. Старая датировка колебалась между 888—893 гг.⁴

Ход войны был, как известно, следующий: Симеон, воспользовавшись тем обстоятельством, что византийские войска были отвлечены войной с арабами в Южной Италии и Малой Азии и болгаро-византийская граница была оголена, двинулся на Константинополь. Первое столкновение произошло где-то в районе Адрианополя. После того как наспех сформированная в Константинополе византийская армия потерпела здесь поражение, империя, не будучи в состоянии организовать отпор болгарам собственными силами, вступила в переговоры с мадьярами, занимавшими в то время области между Днестром и устьем Дуная. Убедив последних выступить против Симеона, византийское правительство направило к устью Дуная, по Черному морю, свой флот, который переправил мадьяр на территорию Болгарии. Симеон потерпел целый

¹ Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета. Сборник за народни умотворения и книжнина, кн. 24, 1, 1908, стр. 93.

² *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, IV, Paris, 1926, стр. 303.

³ История на Византия, ч. I, София, 1950, стр. 357.

⁴ См., например: Th. L. Fr. Tafel. *De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica*, стр. CVIII; М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1875, кн. 3, стр. 3; К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 202, и др.

ряд поражений и вынужден был укрыться в Дристре (Силистрия). Оттуда он повел переговоры со стоявшим во главе византийского флота патрицием и друнгарием Евстафием, заявив о своей готовности заключить мир. Император Лев VI ответил согласием. Магьяры вернулись в свои земли; Евстафию и Никифору Фоке, находившемуся с византийским войском на юго-восточной болгарской границе, был отдан приказ вернуться в Константинополь. Для окончательного и формального урегулирования вопроса о мире в Болгарию прибыл известный византийский дипломат Лев Хиросфакт (он же Лев Магистр). Желая отомстить магьярам и взять конечный реванш в этой войне, Симеон затеял со Львом Хиросфактом длительную переписку, войдя в то же самое время в тайные сношения с печенегами, восточными соседями и непримиримыми врагами магьяр.¹ Заручившись их союзом, Симеон вторгся на территорию магьяр и подверг ее страшному опустошению. При возвращении из похода Симеон встретился со Львом Магистром и объявил ему, что не заключит мира, пока не получит всех болгарских пленников. Обмен пленными состоялся, однако Симеон, под тем предлогом, что были возвращены не все болгарские пленные, возобновил войну против Византийской империи. Болгарские войска снова двинулись на Константинополь. Срочно высланная против них армия под начальством доместика схол Льва Катакалона и патриция и протовестиария Феодосия потерпела при Болгарофиге жестокое поражение.²

Битвой при Болгарофиге византийские хронисты прерывают свои сообщения об этой войне, не указывая ни года сражения, ни года заключения мирного договора.

В. Н. Златарский, отмечая это полное молчание источников о событиях после сражения при Болгарофиге и опираясь на известия арабского историка Табари о том, что летом 896 г. подступившие к Константинополю болгары нанесли большой урон грекам (что связывается обычно со сражением при Болгарофиге),³ но были оттеснены от столицы войском, сформированным Львом VI из арабских пленников, приходил к заключению, что именно в этом году, вслед за отступлением болгар, и последовало заключение мирного договора между Византией и Болгарией.⁴ Однако подобная датировка, недостаточно убедительная сама по себе, делает и трудно объяснимыми целый ряд моментов из истории болгаро-византийских отношений последующих лет, касающихся, в частности, непосредственно Фессалоники.

Заключение мира произошло, надо думать, только в 904 г. и притом уже после опустошения Фессалоники арабами.⁵

¹ Const. Porphyr. De adm. imp., cap. 40, Bonn, III, стр. 172—173. Марквардт (I. Marquardt. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 525) считает тенденциозным это сообщение Константина о помощи печенегов Симеону.

² Georg. Hamart., ed. Muralt, Vat., стр. 771 сл.; Theoph. Cont., VI, 9, 10 (Bonn, стр. 357 сл.); Cedr., (Bonn, II, стр. 254 сл.); Leo Gram., (Bonn, стр. 266 сл.).

³ В. Н. Златарски. Известията за българите в хрониката на Симеона Метавраста и Логотета, стр. 144, ср. стр. 99, 100; F. Dvornik, ук. соч., стр. 305.

⁴ В. Н. Златарски, ук. соч., стр. 101; ср.: М. С. Дринов, ук. соч., стр. 8.

⁵ Ср.: G. I. Bratianu. Le commerce bulgare dans l'empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. Известия на Бълг. историч. друж., XVI—XVIII, Сборникъ в паметъ на проф. Петъръ Никовъ, София, 1940, стр. 32.

Продолжавшееся до 904 г. состояние войны между Византией и Болгарией объясняет и оправдывает как действия болгар в области Драча, повлекшие за собой второе посольство Льва Хирсофакта в Болгарию,¹ так и попытку Симеона заселить Фессалонику болгарами после разгрома ее Львом Триполийским, вызвавшую третье посольство Хирсофакта.² Становится более понятным и обоснованным и установление в 904 г. пограничного столба между Болгарией и Византийской империей, явившееся, без сомнения, непосредственным следствием заключенного между обеими сторонами мирного договора.³ При последней датировке получает, наконец, объяснение и сообщение некоторых византийских хронистов о том, что „когда болгарские вторжения тревожили ромеев (τῶν δὲ βουλγαρικῶν ἐφέδων Ῥωμαίους ἐπετρ.βουλτων), агаряне, узнав об этом, предприняли морской поход, начальником которого поставили Льва Триполита, отступника от христианского благочестия, который направился к городу Атталии“.⁴ А. А. Васильев, принимая датировку М. С. Дринова, относившего заключение мирного договора между Византией и Болгарией к 893 г. и учитывая, что движение арабов к Атталии (а затем к Константинополю и Фессалонике) имело место в июле 904 г., вынужден был объявить это сообщение источником неправдоподобным.⁵ В. Н. Златарский, считая годом мирного договора 896 год и стараясь объяснить вышеприведенное известие, придал ему совершенно не соответствующее действительности толкование. Исходя из тех соображений, что вряд ли Лев Триполийский мог в столь короткий срок узнать о болгарских вторжениях и тем более рассчитывать на них в своих планах нападения на Константинополь, если бы они происходили на отдаленной западной болгарской границе, а вторжения на фракийской границе являлись бы прямым нарушением мира, Златарский пришел к выводу, что эти вторжения могли иметь место только на юго-западной границе, где-то в районе Фессалоники.⁶ Подобное толкование находится, однако, в полном противоречии с показаниями Иоанна Камениаты, жителя Фессалоники и современника этой войны, который совершенно определенно свидетельствует о том, что перед нападением на город Льва Триполийского (июль 904 г.) между болгарами и фессалонийцами царил „глубокий мир“ (βαθεῖαν εἰρήνην).⁷ „Город был, — пишет Камениата, — ... вне всякой опасности. Ибо с тех пор как купель божественного крещения приобщила народ скифов (τὸ τῶν Σκυθῶν ἕθνος) к христианскому народу и братски разделила между обоими начала благочестия, прекратилась распря городов, меч, занимающийся убийствами, отказался от своей деятельности, и перед нами воочию осуществилось предсказание громогласнейшего из пророков Исаии. Ибо мечи наши превратились в серпы, а копья в плуги, и нигде не было войны и во всей области господствовал мир (καὶ πόλεμος ἦν οὐδαμοῦ, καὶ τὴν

¹ Сообщение об этом имеется в одном из писем Хирсофакта к императору Льву VI. Опубликовано И. Саккелионом, в „Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος“, т. А, 1883, стр. 396. Ср.: G. I. Bratianu, ук. соч., стр. 32; F. Dvornik, ук. соч., стр. 305, 306. Это посольство Хирсофакта, согласно разысканиям самого Златарского (История на Българската държава, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 324) приходится на промежуток времени между 896 и 904 гг.

² И. Саккелион, ук. соч.

³ Ф. И. Успенский. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне. ИРАИК, III, София, 1898, стр. 184 сл.

⁴ Georg. Hamart., ed. Muralt., Vat., стр. 783; ср. Theoph. Cont., VI, 20 (Bonn, стр. 366; Cedr., Bonn, II, стр. 261).

⁵ А. А. Васильев. Византия и арабы. СПб., 1902, стр. 138—140.

⁶ В. Н. Златарский, ук. соч., стр. 327—328.

⁷ Сам., стр. 496_{14—15}.

περίχωρον ἅπασιν εἰρήνην κατεπυράνευε)¹. Камениата, таким образом, прямо заявляет, что после крещения Болгарии (865) мирные отношения между нею и Фессалоникой не нарушались; само выражение Камениаты указывает на то, что в отношениях с Болгарией для Фессалоники продолжал сохраняться мир, заключенный еще в 864 г. — εἰρήνην βλάθει, как его обычно называли византийские писатели.² После битвы при Болгарофиге враждебные действия болгар приняли, повидимому, незначительный, местный характер, причем Симеон, по вполне понятным причинам, стремился не приближать их к Фессалонике, ставшей главным центром сбыта болгарских товаров. Бережное отношение Симеона к Фессалонике хорошо видно и из его писем к патриарху Николаю Мистику.³

Длительное спокойствие, установившееся в окружающей Фессалонику области с первых десятилетий IX в., давало возможность с максимальной полнотой использовать все те преимущества, которые представляли городу окружавшие его плодородные земли. Иоанн Камениата рисует яркую картину хозяйственного расцвета, дарившего в это время на прилегающих к городу равнинах. Равнина, простирающаяся на восток от Фессалоники, была, как показывает Камениата, покрыта деревьями и садами, богата реками и источниками. Обширные виноградники восточной равнины радовали взор, по словам Камениаты, обилием своих плодов.⁴ Дальше на восток простиралась другая равнина, значительную часть которой занимали два больших озера, изобиловавшие различными сортами рыбы. Остальная часть этой равнины представляла собою прекрасные пастбища для скота.⁵

На запад от Фессалоники, начиная от самой стены Эмбола⁶ лежала равнина, тянувшаяся вплоть до города Веррой (Βέρροια).⁷ Та часть ее, которая примыкала к городу, была занята, как и на восточной равнине, под виноградники и сады. Дальше к западу эта равнина „была лишена деревьев, но имела большую растительную силу, предоставляя благоприятную возможность для всяких земледельческих работ“.⁸

Пересекающие западную равнину реки,⁹ так же как и озера, расположенные на восточной равнине, были богаты рыбой.¹⁰

¹ Sam., стр. 499₁₆—500₃. Скифами, как известно, византийские писатели называли вообще всех северных врагов империи (готов, гуннов, славян, болгар); см. напр.: Theoph. Chronogr., Bonn, I, стр. 103, 153, 179, 631; Const. Porphyg. De adm. imp., II, 3. Bonn, III, стр. 50. Камениата в своем сочинении именуется скифами болгар; см.: Sam., стр. 4967—21.

² См., например: Georg. Hamart., ed. Muralt, Vat., стр. 733: „ἔχτοτε γενομένης εἰρήνης βλάθει“; Leon. Gram., Bonn, стр. 238 и др.

³ G. I. Bratianu, ук. соч., стр. 32.

⁴ Sam., стр. 494₃₋₉. В средние века этой равнине дали название Каламария (Tafel, Th. L. Fr., ук. соч., стр. 254).

⁵ Sam., стр. 494₁₄—495₆. Камениата описывает здесь Лагодинскую равнину. Озера, названия которых он также не указывает — Бежик (Больбе) и Лангаза (Коронья). Они сообщаются между собой, а также с Орфанским (Рентинским) заливом. Богатством и редкими сортами рыбы эти озера славятся еще в недавнее время (см.: С. И. Веркович: Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб. 1889, стр. 36).

⁶ Sam., стр. 495₁₀. Здесь у Камениаты Ἐμβολον ошибочно. Следует, как уже отметила Тафель (Tafel, Th. L. Fr. ук. соч., стр. 214, прим. 42), читать Ἐμβολον.

⁷ Sam., стр. 496₂. В древности часть этой равнины носила имя Βοθίαιε, византийцами позднего времени она называлась Кампания. См.: O. Tafra li. Topographie de Thessalonique, стр. 22, прим. 1.

⁸ Sam., стр. 495₂₁₋₂₂: „ἄϋλον μὲν ὡς τὰ πολλὰ τὴν βλάστην ἔχον, πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιμελείης ἐπιτηθεῖσιν παρεχομένων“.

⁹ Камениата не приводит названий этих рек. По западной равнине протекали: Вардар (Аксий), Галико (Эхейдорос), Луда (Людиас) и Быстрица (Галиакмон).

¹⁰ Sam., стр. 496₁₅₋₁₈.

В этом описании Камениатой окружающей Фессалонику области, обильно орошенной и тщательно обработанной, обращает на себя внимание высокая интенсивность ее сельского хозяйства: здесь сочетались все основные отрасли сельскохозяйственного производства — земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство, рыболовство. Фессалоника, таким образом, могла получать в избытке все необходимые продукты питания: хлеб, мясо, масло, молоко, фрукты, рыбу.

Многочисленные виноградники, занимавшие все ближайшие окрестности города, способствовали развитию виноделия.¹

Но значение пригородных районов Фессалоники не ограничивалось ролью поставщика сельскохозяйственных продуктов, они снабжали город также сырьем, необходимым для развития целого ряда отраслей городского ремесла.

Одной из ведущих отраслей производства Фессалоники, крупнейшего морского порта всего Эгейско-Средиземноморского бассейна, было, надо полагать, судостроение. Город, как показывает Камениата, располагал большим торговым флотом. Рассказывая о том, что для отправки захваченных в плен фессалоникийцев арабам не хватило их собственных судов, Камениата замечает, что выход из положения был найден, когда арабы использовали также большое количество (πληθύν) городских кораблей (τὰς νῆας τῆς πόλεως).² Число этих кораблей достигало, как это видно из свидетельств Табари и Сибт-ал-Джаузи, относящихся, согласно разысканиям Грегуара, к операции Льва Триполийского по захвату Фессалоники, 60 единиц.³

Строевой лес для судостроения поступал в город с покрытых лесными массивами гор, окаймлявших восточную равнину Фессалоники, и в особенности с Холомонта.⁴

Широко были развиты в Фессалонике ремесла по изготовлению различных тканей. Камениата рассказывает, что в течение продолжавшегося десять суток грабежа Фессалоники арабами из города выносились такое множество шелковых одежд (στικῆς ἐσθῆτος) и изделий из тончайших льняных тканей (λίνοῦ ὑφάσματος), что все эти вещи, сложенные в гавани для погрузки на корабли, образовывали „горы и холмы“ (ὄρη καὶ βουνούς).⁵ Количество же шерстяных одежд (ἐξ ἐρίου ἐσθημάτων), принесенных жителями для своего выкупа, было настолько велико, что арабы вообще считали излишним приобретение их (περιττὸν ἡγούμενοι τὴν κτήσιν αὐτῶν).⁶

¹ Виноградарство, как это показывают некоторые древние надписи и изображение кисти винограда на фессалонических монетах, было развито здесь с самых давних пор. См.: O. Tafali, Topographie de Thessalonique, стр. 23.

² Сам., стр. 572₂₀₋₂₁—573₈.

³ В своей статье „Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique“, опубликованной в „Byzantion“ (т. XXII, 1952, стр. 373—378), А. Грегуар убедительно показал, что сообщения арабских авторов о взятии Львом Триполийским Антакии имеют в виду не Атталию, как это считал А. А. Васильев, а Фессалонику (Salūkiya, Salūni-kiya). При переводе Сибт-ал-Джаузи Грегуар (ук соч., стр. 374—375) указывает не 60, как А. А. Васильев (ук. соч., Приложение, стр. 15 и 124), а 70 кораблей. Любопытно, что рассказ арабских источников о захвате Львом Триполийским при взятии города греческих кораблей и погрузки на них награбленной утвари и рабов полностью согласуется с показаниями Камениаты, подтверждая лишний раз, таким образом, правильность трактовки Грегуаром сообщений арабских источников.

⁴ O. Tafali, ук. соч., стр. 12, 14; П. Успенский. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Киев, 1877, стр. 15, 17; С. И. Веркович, ук. соч., стр. 41.

⁵ Сам., стр. 568₁₆₋₂₁.

⁶ Сам., стр. 568₂₂—569₁.

Эта картина была, вероятно, не слишком далека от действительности. Превосходные пастбища восточной равнины благоприятствовали широкому развитию овцеводства. Ткачи полотняных тканей могли закупать необходимое им сырье в долине Стримона: именно отсюда, как показывает „Книга епарха“, привозили нужный им материал константинопольские отониопраты.¹

Что касается шелкопрядения, то Камениата, говоря о товарах, служивших предметом торговли на фессалоникском рынке, называет „τὰ ἐκ Σηρῶν ὑφάσματα“.² В. Хейд, комментировавший в своей „Истории левантской торговли“ это место Камениаты, считал, что это выражение употреблено им в противопоставление „ὡς τὰ ἐξ ἐρίων“³ и его следует понимать не в том смысле, что шелковые ткани привозились из страны серов,⁴ а что они изготовлялись из нитей шелковичного червя (σῆρες).⁵ Такое толкование, на наш взгляд, не лишено основания. Изобилие в городе шелковых тканей и шелковых одежд указывает, несомненно, на то, что Фессалоника имела и свое собственное шелкопрядение: известно также, что Вениамин Тудельский, посетивший город в 1160 г., застал там еврейскую общину в 500 человек, занимавшуюся главным образом шелкопрядением.⁶

Особенно развиты в Фессалонике были, повидимому, ремесла, непосредственно связанные с обработкой металлов. Рассказывая об оживленной торговле Фессалоники, Камениата называет разные отрасли занятий городских ремесленников — специалистов по обработке меди, железа, олова, свинца и по изготовлению стеклянных изделий, а также дает возможность увидеть чрезвычайно большой размах этой отрасли производства: „... Ο μεδι (χρυσῶν), железе (σιδήρου) и олове (χαρσιτέρου), о свинце (μολύβδου) и стекле (ύέλου), которым ремесла благодаря обработке огнем придают жизнь (οἷς αἱ διὰ πυρὸς τέχνηαι τὸν βίον συνέχουσι), я считаю излишним и упоминать, — пишет Камениата, — ибо их столько, что благодаря им можно построить другой город (ποσούτων ἔντων ὡς ἄλλην τινὰ δυνασθαι πόλιν δι' αὐτῶν δυνασθαι τε καὶ ἀπαρτίζεσθαι)“.⁷ Количество медных и железных изделий (χρυσῶν καὶ σιδηρέων σκευῶν), попавших в Фессалонике в руки арабов, было столь огромно, что военачальники запретили погружать их на корабли, стремясь оставить место для более ценных вещей.⁸

Широкое развитие получило в Фессалонике также изготовление различных видов оружия. У Константина Порфирородного мы узнаем, что стратиг Фессалоники должен был поставить в 908 г. (спустя всего 4 года после страшного разгрома 904 г.!) 200 тысяч стрел, 3 тысячи дротиков и возможно большее количество щитов для организованной империей морской экспедиции против арабов.⁹

Совершенно очевидно, что подобные масштабы ремесел по изготовлению железных и медных изделий в средневековом городе, при тогдеш-

¹ Книга епарха, IX, 1. „Книга епарха“ впервые издана в 1893 г. Ж. Николем. J. Nicole. Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève. Русский перевод с обширным комментарием дан М. Я. Сюзюмовым: Книга епарха. Уставы византийских цехов X в. Свердловск, 1949.

² Сам., стр. 500₂₂—501₁.

³ Сам., стр. 501₁.

⁴ Ср.: Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. Виз. вр., т. I, 1947, стр. 205.

⁵ W. Heud. Histoire du commerce du Levant. Leipzig, 1923, стр. 53, прим. 3.

⁶ См.: Th. L. Fr. Tafel, ук. соч., Appendix, V, стр. 497.

⁷ Сам., стр. 501₂—₆.

⁸ Сам., стр. 568₂₂—569₅.

⁹ Const. Porphyg. De cerim., II, 44 (Bonn, I, стр. 657).

нем состоянии транспортных средств, могли быть достигнуты только на основе сырья, добываемого в непосредственной близости от города. Наше внимание обращается при этом, естественно, к Халкидике, значительное число наименований мест которой, как древнего, так и византийского времени, указывает на наличие там полезных ископаемых.¹

В изучаемое нами время на Халкидике имелись, как об этом свидетельствует один сигиллион императора Льва VI,² деревни, называвшиеся Сидерокавскими (εις τὰ Σιδηροκαύσιχ, от слов „σίδηρος“ — „железо“ и „καύσις“ — „сжигание“, „сжжение“), что указывает, несомненно, на характер занятий жителей этих деревень. Если же мы сопоставим эти данные с указаниями путешественников П. Белона (XVI в.) и П. Успенского (XIX в.) на интенсивную разработку здесь, в Сидерокавском округе, рудников,³ то не останется никакого сомнения в том, что и в интересующее нас время именно здесь велись горные разработки и именно из этого, прилегающего к Фессалонике, района, могла поступать в достаточном количестве руда для городских ремесленников.

С давних пор в Фессалонике была налажена, очевидно, и обработка мрамора, добывавшегося, как это можно видеть из одного рассказа Константина Порфирородного, в Фессалии.⁴

Интенсивная ремесленная деятельность Фессалоники сочеталась с чрезвычайно оживленной торговлей. Хотя совершенно бесспорен тот факт, что торговля, подобно ростовщичеству, эксплуатирует данный (в нашем случае феодальный) способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом,⁵ не подлежит сомнению, что развитие самого производства стимулируется в известной степени торговлей, способствующей росту товарной продукции и подчиняющей эту продукцию требованиям рынка.

Торговые связи Фессалоники, уходящие своими корнями еще в античную эпоху, неизменно играли свою положительную роль в деле общего расцвета и благосостояния города.

В рассматриваемое здесь время специфика основного профиля фессалоникской торговли в значительной степени определялась двумя моментами: разбоями арабских пиратов на основных морских торговых путях того времени — Средиземном и Эгейском морях, с одной стороны, и взаимоотношениями между Фессалоникой и Болгарским государством, — с другой.

Чрезвычайно благоприятное положение Фессалоники на море предоставляло городу широкие возможности для развития морской торговли. Уже сам по себе залив, защищенный от моря косой и имевший во внутренней части несколько мест для причала, представлял удобную и надежную стоянку для судов.⁶ Фессалоника имела, помимо того, большой и хорошо благоустроенный порт, *ἑνδοκίτος λιμὴν*, по словам

¹ Сама Халкидика получила свое название от *χαλκός* — медь. О связи имен целого ряда сел Халкидики с ведшимися там горными разработками см.: П. Успенский. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Киев, 1877, стр. 10 сл.

² См.: П. Успенский. История Афона, ч. III, Киев, 1877, стр. 44, 296.

³ P. Belon. Observation. Paris, 1554, стр. XLIX; П. Успенский. Первое путешествие, стр. 10 сл.; он же. История Афона, ч. III, стр. 48.

⁴ Const. Porphyg. De serim., II, 42 (Bonn, I, стр. 642 сл.). См.: Th. L. Fr. Tafel, ук. соч., Appendix, III, стр. 439 сл., где приведен целый ряд свидетельств источников по этому вопросу. О широком применении мрамора в Фессалонике см. также: Eustathii. Contra injuriam memoriam, MPG, 136, стр. 453.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2. Госполитиздат, 1950, стр. 623.

⁶ Сам., стр. 492₁₄₋₁₉. См. также: O. Tafrali, Topographie de Thessalonique, стр. 14.

Камениаты,¹ построенный еще в IV в. н. э. Константином Великим во время пребывания последнего в Фессалонике.²

В интересующее нас время фессалоникский порт не мог, однако, функционировать в полную свою силу. Морские разбои арабских корсаров, особенно усилившиеся в IX—начале X в., привели, как известно, к тому, что средиземноморская торговля была в значительной степени парализована и даже путь Константинополь—Фессалоника сделался опасным. Свидетельства источников, и в первую очередь житийная литература, дают тому целый ряд неоспоримых доказательств.³ Тем не менее торговые сообщения не прекращались здесь, как это можно видеть из некоторых указаний Камениаты, даже в период той наивысшей точки, которой достигли морские разбои арабов в первые годы X столетия.

В своем сочинении Камениата отмечает, что в фессалоникскую гавань приплывали корабли „со всех сторон“ (*ἀπανταχούθεν*);⁴ он сообщает также, что во время захвата Фессалоники арабами в городе имелось большое количество торговых судов, принадлежавших фессалоникским купцам.⁵ Это были, по его словам, суда, „которыми раньше пользовались наши купцы для перевозки хлеба“ (*αἱ ἐχρῶντο ποτε πρὸς τὸν σῖτον ἐπικομιζεῖν οἱ καθ' ἡμᾶς ἔμποροι*).⁶ Камениата умалчивает, к сожалению, о том, для кого именно предназначался этот хлеб, с кем именно имели дело фессалоникские хлеботорговцы. Возможно, они отвозили македонский хлеб в Константинополь. Известно, что в рассматриваемое время Египет и Сирия, снабжавшие некогда столицу хлебом, были потеряны. Компенсировать утраченные источники снабжения должна была теперь, наряду с Фракией и некоторыми другими провинциями Византийской империи, также и Македония.⁷ Но так или иначе, каков бы ни был путь следования фессалоникских хлеботорговцев и откуда бы ни приплывали в городской порт чужеземные суда, совершенно очевидным остается тот факт, что хотя в интересующее нас время морская торговля, ввиду чрезвычайной опасности морских передвижений, была резко сокращена, торговые сообщения по морю продолжались. Главное место в этой морской торговле принадлежало, вероятно, именно торговле хлебом. В своем повествовании о плавании пленных фессалоникийцев на остров Крит Камениата рассказывает, что по пути, в Диадромах (одна из групп Спорадских островов), они натолкнулись „на некий злополучный корабль, груженный хлебом“ (*νηὸς τινοῦ δυστυχοῦς σίτου πεφορτισμένῃς*), который был немедленно захвачен арабами.⁸ Этот корабль шел, очевидно, с Эвбеи, соседней со Спорадами и известной своим богатством хлеба.⁹

¹ Сам., стр. 492₄.

² Zosimi Hist., II, 22 (Bonn, стр. 86). Подробные сведения о фессалоникской гавани приведены у Тафеля (Th. L. Tafel, ук. соч., стр. 208 сл.) и у Тафрали (O. Tafraли. Topographie de Thessalonique, стр. 14 и др.).

³ См. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 163, 164.

⁴ Сам., стр. 492₂.

⁵ Ср. выше, стр. 68.

⁶ Сам., стр. 572₂₁—573₁.

⁷ Theoph. Cont., VI, 13 (Bonn, стр. 479); Cedren. (Bonn, II стр. 516); на снабжение Константинополя македонским хлебом в XII в. прямо указывает Михаил Акоминат: „Разве не производят для вас хлеб, — говорит он, обращаясь к константинопольской знати, — плодородные равнины Македонии, Фракии и Фессалии...“ (Mich. Acomin., ed. Lambros, II, 83).

⁸ Сам., стр. 579₂₀—580₁₀.

⁹ Житие Христоула, изд. Σαχκελίων. Ἀκολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου Χριστοδούλου, Ἀθήνη, 1884, стр. 151. (См.: А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 170).

Своеобразие международной обстановки, препятствовавшей широкому развитию морской торговли, должно было, разумеется, отрицательно сказаться на Фессалонике — крупнейшем морском городе и порте Эгейско-Средиземноморского бассейна. Тем не менее, благодаря издавна налаженной торговле, шедшей сухопутными и речными путями, значительно снизившийся товарооборот фессалоникской гавани мог быть успешно компенсирован. Еще со времени арабских завоеваний VII—VIII вв., когда богатейшие восточные провинции с их крупнейшими промышленными и торговыми центрами — Александрией, Антиохией, Бейрутом, Тиром, Дамаском и другими — были отняты у Византийской империи и центр тяжести византийской торговли переместился на Запад и Север, Фессалоника, занимавшая здесь исключительно выгодное положение, сумела быстро расширить старые и наладить новые торговые связи, выдвинуться на первое место после Константинополя. С течением времени эти связи все более крепились и расширялись. Усиливавшийся процесс феодализации славянских и западноевропейских государств, их экономическое и политическое развитие способствовали росту их потребностей и оживлению торговой деятельности.

Чрезвычайно большое значение приобрела для Византии и, в частности, как об этом свидетельствует Камениата, для Фессалоники, торговля с Болгарией.

Болгарское государство, заняв постепенно огромную византийскую территорию в южном, юго-западном и северо-западном направлениях, служившую издавна богатейшим источником экономических ресурсов Византии, оказалось хозяином не только огромного внутреннего сырьевого рынка, но также и главнейших торговых путей, соединявших Константинополь и Фессалонику с Западом. Все это дало широкие возможности для развития производительных сил страны и ее товарооборота с соседями. После того как в 716 г., еще при хане Тербеле, между Болгарией и Византией был заключен торговый договор,¹ торговые связи, в той мере, в какой это позволяли политические отношения между обоими государствами, уже не прекращались. К X в. Болгария становится посредником в торговле между Западной Европой, Севером и Византией. Стекавшееся в Болгарию по Дунаю сырье из Моравии, Руси и придунайских стран обменивалось болгарскими ремесленными изделиями, а также на товары, доставлявшиеся с константинопольского рынка из Азии и Африки.² Хорошо известно, как характеризовал столицу Болгарии середины X в., Переяславец на Дунае, русский князь Святослав: „Ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве различные; из Чехъ же, из Угорь, сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь“.³ Значение Болгарии как сырьевого рынка и неисчерпаемого источника продовольственных ресурсов для Византии поднимало ее удельный вес в международной политике настолько, что иностранные купцы, имевшие торговые связи с Болгарией, производили свои операции в Константинополе и Фессалонике под защитой болгарского подданства.⁴

¹ В. Н. Златарски. История на Българската държава, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 182.

² A. Rambaud. L'empire Grec au X-e siècle. Paris, 1870, стр. 328, Ср.: М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в., стр. 6; K. Dieterich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels. BZ, XXXI, 1931, стр. 45.

³ Повесть временных лет, т. I, Изд. АН СССР, 1950, стр. 48.

⁴ I. Sakásov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 61.

В самом начале царствования Симеона в византийско-болгарских торговых отношениях произошло одно немаловажное событие, имевшее своим непосредственным следствием расширение торговли между болгарами и Фессалоникой. Двум византийским торговцам, Ставракию и Косье, заручившимся протекцией евнуха Мусика, а через него и Стилиана Заутцы, стоявшего в то время во главе всего государственного управления,¹ удалось, используя, очевидно, враждебность греческого двора и духовенства к реформам Симеона и желание византийского правительства уменьшить сильно возросшее влияние болгарских купцов в Константинополе, взять на откуп пошлину с болгарской торговли и добиться перевода болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику.² Перемещение сюда центра тяжести болгаро-византийской торговли способствовало новому, невиданному до тех пор росту торговых связей между Фессалоникой и болгарами.

Прекрасную иллюстрацию к этому мы находим у Камениаты, который уделяет совершенно особое внимание взаимоотношениям между фессалоникийцами и болгарами и придает их торговле исключительное значение. Именно в связи с характеристикой мирных отношений, установившихся между Фессалоникой и болгарами, Камениата говорит о доходах торговли (*αἱ τῆς ἐμπορίας χορηγίαι*), способствующих процветанию города.³

Торговые связи с болгарами осуществлялись главным образом по рекам, протекающим по западной равнине. „Весьма большие реки, вытекающие из страны скифов и пересекающие равнину, о которой говорилось выше (между Фессалоникой и Верроей, — *P.H.*), — пишет Камениата, — доставляют городу большое изобилие... благодаря входящим по ним с моря кораблям (*πολλὴν δαψίλειον ... παρεχόνται... ταῖς δι' αὐτῶν ἀπὸ τῆς θαλάσσης τῶν νηῶν ἀναδρομαῖς*), в силу чего наблюдается разнообразный привоз товаров (*ποικίλη τις πρόσδος τῶν υρεῖων*)“.⁴ Среди рек западной равнины самой большой и самой важной по своему значению был, несомненно, Вардар (Аксий), на судоходность которого в средние века указывают, помимо Камениаты, Никифор Грегора⁵ и Феофилакт Болгарский.⁶ „Это самая большая из македонских рек, — говорит анонимный автор «Тимариона». — Она вытекает из Болгарских гор отдельными маленькими ручейками, а затем соединяется в нижнем течении в одно русло и течет, как сказал бы Гомер, «широко и мощно» по Древней Македонии к Пелле и неподалеку от нее впадает в море“.⁷

По Вардару начинался тот знаменитый путь, который связывал Фессалонику с Дунаем. Он шел вверх по Вардару до Скопле (Ускюба), а затем по долине Моравы, где, начиная от Ниша (Наисса) — узлового

¹ V. Grumel. La chronologie des événements du règne de Léon VI. *Échos d'Orient*, 1936, 39, № 181, стр. 41 сл.

² История перенесения болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику еще раз указывает на тот большой размах и значение, которые имела в то время болгарская торговля: пошлина с болгарских товаров была настолько доходной, что стала предметом откупа кучки византийских торговцев, пользовавшихся покровительством при дворе; этот шаг византийского правительства настолько ущемлял, с другой стороны, болгарские интересы, что Симеон усмотрел в нем достаточное основание для начала войны с Византией. — См. выше, стр. 64.

³ *Сам.*, стр. 500₄₋₅.

⁴ *Сам.*, стр. 496₁₅₋₂₀.

⁵ Niceph. Greg., VIII, 14 (Bonn, I, стр. 380).

⁶ Theophyl. Bulg. epist. 55 (MPG, 126, стр. 472).

⁷ Timarion, ed. Ellissen, IV, стр. 44.

пункта скрещения шести различных дорог — соединялся с древней римской дорогой *Via Singidunum*, связывавшей Белград (Сингидун) с Константинополем (Византием).¹ Именно об этом пути писал Константин Багрянородный: „От Фессалоники до реки Дуная, на котором стоит город, называемый Белград, восемь дней пути, если кто идет не спеша, а с остановками“.² Путь Морава—Вардар не уступал по своему значению в средние века пути Морава—Марица; некоторые исследователи отмечают также, что *Via Singidunum* имела в средние века для Балканского полуострова несравненно большее значение, чем прославленная *Via Egnatia*.³ За исключением береговых дорог и *Via Egnatia*, все пути внутреннего массива Балканского полуострова являлись лишь боковыми ветвями этой главной артерии.⁴ По *Via Singidunum* осуществлялись связи Константинополя и Фессалоники с Болгарией, Сербией,⁵ Великоморавским государством⁶ и другими странами Западной Европы.

От Скопле к Фессалонике можно было попасть не только по Вардару, но также и по другим путям, шедшим как западнее (через Битоль—Монастырь), так и восточнее (через Струмицу) этой реки.⁷ Из района Сардики (Софии) по долине Стримона (Струмы), через Рупельский проход, шел путь к Орфанскому заливу, откуда также легко достигалась Фессалоника.⁸ Торговое судоходство между Фессалоникой и Болгарией, помимо Вардара, могло осуществляться также по рекам Луде и Быстрице.⁹

Камениата умалчивает, к сожалению, о конкретных предметах болгарской торговли. Он ограничивается лишь замечанием о том, что „обе стороны (т. е. фессалоникийцы и болгары, — *Р. Н.*) стремились к мирным отношениям с давних пор, обменивая между собою необходимые продукты“.¹⁰ Из других источников нам известно, что болгары торговали

¹ *Via Singidunum* шла из Сирмия (Митровицы) и Сингидуна (Белграда) через Виминаций, Наисс (Ниш), Сардику (Софию), Филиппополь (Пловдив) и Андрианополь в Византий (Константинополь). Описание этого пути появляется еще в „Итинерарии“ Антонина Августа (III в.), изд.: G. Parthey — M. Pinder, Berlin, 1848; K. Miller. *Itineraria romana*. Stuttgart, 1915, стр. LIV сл. О *Via Singidunum* см. работу: K. Jireček. *Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel und die Balkanpässe*. Prag, 1877; ср.: A. Philippson. *Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung*. Leiden, 1939, стр. 94 сл.

² Const. Porphyg. *De adm. imp.*, cap. 42 (Bonn, III, стр. 177).

³ См. например, P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. *Recherches d'histoire et d'archéologie*, Paris, 1945, стр. 71—73.

⁴ K. Jireček, *ук. соч.* стр. 1.

⁵ Jovan Cvijić. *La péninsule Balcanique*. Paris, 1918, стр. 24. В сербских документах *Via Singidunum* называлась *sarski put* (царский путь): J. Cvijić, *ук. соч.*, стр. 21; Jireček, *ук. соч.*, стр. 83; ср.: K. Dieterich, *ук. соч.*, стр. 42. Позднее *Via Singidunum* стала главным путем Турецкой империи в Европе, она называлась тогда *Stambouljol* — Стамбульский путь. Дитерих (*ук. соч.*, стр. 41, 47) отмечает, что в торговом отношении Сербия тяготела к Фессалонике, а Болгария — к Константинополю. Для изучаемого периода это разграничение не имело еще места.

⁶ В Паннонской легенде (*Vita s. Methodii*, cap. V) эта дорога называется моравской: „*Puti s'a jat moravskago*“. Именно по ней шли в 862 г. послы Ростислава к византийскому императору Михаилу (842—867).

⁷ См.: J. Ansel. *La Macédoine*. Paris, 1930, стр. 28; J. Cvijić, *ук. соч.*, стр. 21.

⁸ Об этом пути см. W. Tomaschek. *Zur Kunde der Hämus-Halbinsel*, II. *Sitzungsberichte der K. Akad. d. Wissensch., Philos.-hist. Cl., Bd. CXIII*, Wien, 1887, стр. 360—366.

⁹ Santac. *Hist.*, IV, 18 (Bonn, III, стр. 119 сл.); Филарет. *Св. великомученик Димитрий и солунские славяне*. Чтения в Обществе истории и древностей российских, М., 1848, кн. 6, стр. 26.

¹⁰ *Сам.*, стр. 496_{13—14}.

скотом,¹ медом, льняными тканями,² а также рабами.³ Взамен они приобретали разрешенные к экспорту шелковые ткани и сирийские материи, украшения⁴ и т. п. Торговля между болгарами и Фессалоникой происходила, как об этом можно судить из употребленного Каменятой в вышеприведенном отрывке глагола ἀμείβω (обменивать, выменивать), на основе обмена. Современные Каменяте источники также подтверждают обменный характер болгарской торговли: арабский хронист Ал-Масуди (20—50-е гг. X в.) подчеркивает, что болгары не имели ни золотых, ни серебряных монет, а для уплаты за покупки пользовались коровами и овцами.⁵ „Книга эпарха“ также свидетельствует о том, что торговля между Болгарией и Константинополем велась путем товарообмена.⁶ В последнем случае следует, однако, отметить, что сама формулировка интересующего нас здесь места „Книги эпарха“ позволяет предположить, что такое положение не было правилом без исключения: „... если покупка может производиться лишь в порядке обмена на другие товары...“, следовательно, допускается возможность и таких случаев, когда покупка совершалась за деньги. Позднее, с развитием ремесла и ростом внутренней и внешней торговли, денежная торговля приобретает у болгар все большее значение: источники сообщают, что когда византийские войска вступили в 1018 г. в болгарскую столицу, император Василий II (976—1025) захватил там, помимо золота, драгоценных камней и одежд, также большое количество денег.⁷ Но и в это время денежные отношения в Болгарии были развиты еще слабо: известно, что после победы над Болгарией Василий II приказал, чтобы подати с болгар, как и прежде, взимались натурой (пшеницей, просом и вином).⁸

Наряду с интенсивной торговлей Фессалоники по речным артериям и *Via Singidunum*, соединявшей город с придунайскими странами, оживленная торговая жизнь шла, как это показывает Каменята, и на другом великом пути древности — *Via Egnatia*, проходившем через Фессалонику и связывавшем ее с Адриатическим побережьем на Западе и с Константинополем на Востоке. *Via Egnatia* — *Via Regia* македонских царей, заново отстроенная римскими императорами с военными и административными целями во II в. до н. э. после покорения Македонии, стала впоследствии важнейшим торговым путем между Западом и Востоком.⁹ Она начиналась от Аполлонии (или от Диррахия) и шла через Лихнид (Охрид), Гераклею (Битоль — Монастырь) и Эдессу (Водену) в Фессалонику, где образовывала одну из ее главных улиц — Леофо-

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 126.

² Книга эпарха, IX, 6.

³ Д. Ангелов. Робството в средновековна България. Ист. преглед, т. 2. 1946, стр. 143, 151; I. Saká zov, ук. соч., стр. 66.

⁴ Книга эпарха IX, 6.

⁵ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 126.

⁶ Книга эпарха, IX, 6.

⁷ Cedren., Волп, II, стр. 468.

⁸ Там же, стр. 530.

⁹ Фундаментальные работы об этой дороге даны Тафелем: Th. L. Fr. Tafel. De via militari Romanorum Egnatia. Tübingae, 1837. Эта работа предшествовала главному его произведению: Via militaris Romanorum Egnatia. Pars occidentalis. Tübingae, 1841; De viae Romanorum militaris Egnatae parte orientali, Tübingae, 1841. Обе части вместе с исчерпывающим предисловием вышли под заглавием: „De via militari Romanorum Egnatia“ (Tübingae, 1842). В предисловии собраны исторические сообщения о пользовании дорогой в древности и в средние века, а также даны извлечения из сочинений путешественников XIX в. О *Via Egnatia* см. также: W. Tomaschek, ук. соч., стр. 353—360; O. Tafrali. Topographie de Thessalonique, стр. 21 и 121.

рос.¹ Из Фессалоники Via Egnatia направлялась вдоль побережья Эгейского моря в Константинополь. Счастлиное положение Фессалоники в центре этой важнейшей сухопутной магистрали средневековья определяло ее значение как крупнейшего пункта транзитной торговли между Западом и Востоком. Через Фессалонику, как мы можем видеть из сочинения Камениаты, ежедневно проходили многочисленные толпы купцов. Здесь они останавливались на отдых, сбывали часть своих товаров и приобретали нужные для себя вещи. На городской площади заключались бесчисленные торговые сделки. „Ибо общественная дорога (λεωφόρος δημοσίου), идущая с запада на восток и проходящая через центр города, — рассказывает И. Камениата, — поневоле (ἀναγκάως) принуждает проходящих останавливаться у нас и закупить нужные вещи (την χρείαν), мы (в свою очередь) приобретаем у них всякие полезные вещи“.² „...Проще счастье прибрежный морской песок, — заключает Камениата, — чем проходящих через рынок (ἀγοράν) и совершающих торговые сделки (τῶν συναλλαγμάτων ποιούμενους τὴν μέθοδον)“.³ Камениата не указывает, каких именно стран и областей торговцы преобладали в это время на Via Egnatia, кого именно видела у себя Фессалоника.⁴ Об этом можно судить только очень неполно и поверхностно. „Отсюда (т. е. благодаря торговым сделкам, — Р. Н.) у многих скапливалось обилие золота и серебра, — пишет Камениата, — и большое количество драгоценных камней и шелковых тканей“.⁵ Драгоценные камни привозились, по всей вероятности, с Востока,⁶ очевидно из Индии;⁷ шелковые ткани могли поступать из самого Константинополя — крупнейшего мирового центра того времени по производству шелковых тканей,⁸ из Сирии,⁹ а также из Пелопоннеса.¹⁰ Сообщение между Фессалоникой и Пелопоннесом было вообще, как показывают источники, чрезвычайно оживленным в IX—X вв.¹¹ Несомненно, Фессалоника принимала у себя венецианских и амальфитанских купцов, ведущих уже в рассматриваемое нами время довольно интенсивную торговлю с империей.¹²

¹ Леофорос пересекала весь город с запада на восток, начинаясь от Золотых (Вардарских) ворот и заканчиваясь у ворот Кассандра (Каламария, Константинопольские). См.: О. Тафрали, ук. соч., стр. 30, 102, 138. О Золотых воротах упоминает и Иоанн Камениата (Сам., 544₈₋₉).

² Сам., 500₃₋₁₇.

³ Сам., 500₁₉₋₂₁.

⁴ Камениата ограничивается здесь общей фразой о том, что по этой дороге чужеземцы прибывали в город „отовсюду“ (ἀπανταχούθεν — Сам., 500₁₀).

⁵ Сам., 500₂₁₋₅₀₁: „ἐνταύθην χρυσοῦ καὶ ἀργυροῦ καὶ λίθων τιμίων παντληθεῖς θησαυροὶ τοῖς πολλοῖς ἐγένοντο καὶ τὰ ἐκ Σηρῶν ὑφασματα“.

⁶ W. Heud, ук. соч., стр. 53, прим. 3.

⁷ K. Hüllmann. Geschichte des byzantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge. Frankfurt, 1808, стр. 67.

⁸ Производству шелка в Константинополе было положено начало еще в VI—VII вв. (Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. Виз. вр., т. I, 1947, стр. 204 сл. Ср.: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 83 сл.) и с тех пор Византия надолго становится монополистом по производству шелка в Европе.

⁹ Из „Книги епарха“ (V, 1, 2, 3, 4, 5) мы знаем, во всяком случае, что в интересующее нас время из Сирии в Константинополь привозились шелковые ткани, шелковые одежды и другие товары. Ср.: М. Я. Сюзюмов. „Книга епарха“, стр. 59—60.

¹⁰ О развитии в X в. шелкового производства в Спарте свидетельствует житие Никона Метаноита (S. Lampros. Νέος Ἑλληνομνήμων, 3. 1906, стр. 163—166; А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 168). Из Беотии и Пелопоннеса привозились шелковые ткани на фессалоникскую ярмарку и в первой половине XII в. (см. ниже, стр. 77).

¹¹ Неоднократные указания на это встречаются в житийной литературе (А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 166).

¹² Liutprandi legatio, MGH, III, стр. 350, 357, 359.

Насколько широки были вообще торговые возможности Фессалоники, какой широкий круг различных стран и народов привлекала к себе ее знаменитая октябрьская ярмарка, устраиваемая с давних пор ежегодно в честь патрона города Димитрия, можно видеть из сатирического диалога XII в. „Тимариона“. Показания „Тимариона“, даже с учетом их значительного расхождения во времени по сравнению с рассматриваемым нами периодом, не лишены в этом отношении известного интереса. На фессалоникскую ярмарку в первой половине XII в. съезжались купцы из Болгарии, Скифии, Иверии, Греции, Пелопоннеса, Италии, Галлии и Германии, Испании и Египта. На ярмарке было представлено, по словам ее очевидца, „все, что может быть изготовлено мужской и женской рукой из тканей и пряжи; все, что привозится из Беотии и Пелопоннеса, и все, что торговые суда привозят эллинам из Италии. Много товаров доставляют и Финикия и Египет, Испания и Геракловы столпы, где изготавливаются лучшие ковры“.¹ Часть этих товаров привозилась сухим путем, часть — на кораблях. Товары из Понта шли сначала морем в Константинополь, и уже оттуда их переправляли в Фессалонику.²

Интенсивность и размах фессалоникской торговли конца IX—начала X в. едва ли уступали обрисованной в „Тимарионе“ для XII столетия картине.

О чрезвычайно широких торговых возможностях Фессалоники в рассматриваемое нами время мы могли судить уже хотя бы по тому, что она была в состоянии принять на себя всю основную торговлю Византийской империи с Болгарией. Знаменитый арабский историк Табари, современник Иоанна Камениаты, отмечает, что в начале X в. Фессалоника была соперницей Константинополя.³ Насколько значителен был тогда этот крупнейший ремесленный и торговый центр Византийской империи, показывает и сама численность его населения. Иоанн Камениата сообщает, что после взятия Фессалоники арабы доставили на Крит 22 тысячи человек, отобранных для продажи в рабство. „Число [пленных] было 22 тысячи... из всех их не было ни одного, кто брил бы бороду. И не было ни одной женщины, которая не была бы очень молода. Народ был отборный и молодой, и каждый словно состязался, чтобы превзойти другого или молодостью возраста, или прелестью лица...“.⁴

Исходя из этих данных Камениаты и предполагая, что предназначенное для продажи в рабство молодое поколение города составляло $\frac{1}{10}$ часть всего его населения, Финлей приходил к выводу, что общая численность населения Фессалоники равнялась 220 тыс.⁵ Правда, этот подсчет Финлея вызывал сомнение у некоторых ученых.⁶ Нам думается, однако, что нет оснований уменьшать указанную Финлеем цифру. Процентное отношение числа отобранной арабами молодежи к числу всего населения города весьма правдоподобно, а количество пленных, указываемое Камениатой, подтверждается как прочими его же данными, так и показаниями некоторых других источников. Камениата сообщает, что флот

¹ Timarion, ed. Ellissen, t. IV, стр. 46—48.

² Там же.

³ А. А. Васильев, ук. соч., Приложения, стр. 15; ср.: H. Grégoire, ук. соч., стр. 374.

⁴ Cam., стр. 589_{13—19}.

⁵ G. Finlay. History of Greece from its conquest by the Romans to the present time, v. II. Oxford, 1877, стр. 267, прим. 1.

⁶ См., например: A. Struck. Die Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im J. 904. BZ, XIV, 1905, стр. 542—543.

Льва Триполийского состоял из 54 крупных кораблей.¹ Величина и сила арабского флота должна была быть, действительно, весьма внушительной, если учесть, что высланная против него императорская эскадра Евстафия, а затем и Имерия не решились вступить с ним в бой.² Камениата отмечает, что арабские корабли были „широкими и способными служить для большой толпы“.³ Мы находим у него и прямые указания на вместимость некоторых из этих судов. Корабль, на котором находился сам Иоанн Камениата, имел на своем борту, по его словам, 800 человек пленных и 200 человек арабов.⁴ На корабле Льва Триполийского, после того как на него были переведены пленные и арабы с другого, получившего тесть во время бури корабля, оказалось „значительно более тысячи душ“ (πολλῶ γὰρ πλείω τῶν χιλίων ψυχῶν).⁵ Правда, корабль Льва Триполийского, предводителя арабского флота, был, вероятно, самым большим. Камениата замечает к тому же, что перегрузка его была так велика, что „столько не хватало, чтобы корабль зачерпнул воды, какова величина одной ладони“.⁶ Но даже если заподозрить Камениату в обоих указанных случаях в известном преувеличении, простая арифметика показывает, что для того чтобы перевезти на 54 кораблях 22 тысячи пленных, на каждый из них достаточно было бы поместить не по 800 и более, а по 400 человек. Из показаний Камениаты, помимо того, видно, что корабли не несли даже и этой нагрузки. Для перевозки пленных было использовано также большое количество местных, фессалоникийских судов.⁷ Совершенно очевидно, что все находившиеся в распоряжении арабов корабли имели полную возможность перевезти 22 тысячи отобранных для продажи в рабство фессалоникийцев. Первоначальное количество захваченных арабами пленников даже превышало эту цифру. Арабский историк Сибт-ал-Джаузи, живший в конце XII — начале XIII в. и пользовавшийся ценными, уже утерянными источниками, отмечает, что Лев Триполийский захватил при взятии Фессалоники 30 тысяч пленных.⁸ Это показание арабского историка находится в полном согласии с данными Камениаты; последний рассказывает, что еще по дороге на Крит, где подсчет пленных показал 22 тысячи, арабы уже успели перепродать часть их за большие деньги их богатым родственникам;⁹ многие вообще не доехали до Крита: во время мучительного плаванья в трюмах арабских кораблей несчастные массами умирали.¹⁰

Население в 200 тысяч человек — большая цифра для средневекового города, даже для города византийского.¹¹ В другие времена Фессалоника, возможно, и не была столь многочисленна.¹² Многочисленность насе-

¹ Сам., стр. 512₂₋₅; 572₁₇₋₁₉.

² Cont. Namart. Muralt, стр. 782—783; Theoph. Cont., VI, 20 (Bonn, стр. 366, 367); Cedr., Bonn, II, стр. 262; Leo Gram., Bonn, стр. 277.

³ Сам., стр. 572₁₁₋₁₂.

⁴ Сам., стр. 578₂₂—579₂.

⁵ Сам., стр. 595₉₋₁₀.

⁶ Сам., стр. 595₁₂₋₁₃.

⁷ Сам., стр. 573₆₋₈. — Ср. выше, стр. 68.

⁸ А. А. Васильев, ук. соч., Приложения, стр. 124; Н. Grégoire, ук. соч., стр. 375.

⁹ Сам., стр. 579₈₋₁₅; Н. Grégoire, ук. соч., стр. 375.

¹⁰ Сам., стр. 581₁₅₋₂₁.

¹¹ Андреадис в своей статье, специально посвященной населению Константинополя (Andréades. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins. „Metropol“, v. 1, 1920, № 2, стр. 105—106), приходит к выводу, что население византийской столицы от IV до XII в. редко опускалось ниже 500 тысяч человек, приближаясь обычно к цифре 800 тысяч—1 миллион.

¹² Хотя Холмс (W. G. Holmes. The Age of Justinian and Theodora, v. 1. London, 1905, стр. 134—137) определял население Фессалоники в VI в. даже в 300 тысяч.

ления Фессалоники в начале X в. объясняется, с одной стороны, подъемом ремесленной и торговой деятельности города, вызывавшим приток как жителей окрестных сел и деревень, так и торговцев из различных мест и городов, а с другой стороны, разбоями арабов на островах и в прибрежных городах, длившимися в течение целого ряда десятилетий и заставлявшими жителей покидать родные места и переселяться в Фессалонику, считавшуюся хорошо укрепленным и недоступным для врагов городом. Камениата, рассказывая об оживленной торговой жизни, кипевшей в Фессалонике, замечает, что „городские улицы постоянно заполняет толпа, состоящая из местных жителей и прочих пришельцев...“¹ „В город собираются, — говорит он, — всякого рода и со всех мест люди“.² „Ибо, благодаря изобилию [в городе] необходимого, в него переносили местопребывание жители соседних стран и городов, и, в особенности, сюда бежали те с уже захваченных островов, которые уцелели во время набега нечистых агарян, полагая, что в дальнейшем они уже не будут иметь в нем никакой заботы о врагах“.³

Фессалоника начала X столетия предстает перед нами, таким образом, как многолюдный и густонаселенный город, который имел развитое ремесленное производство, вел обширную и оживленную торговлю.

Существование в Византийской империи таких крупных торгово-ремесленных центров, как Фессалоника, дало повод некоторым буржуазным ученым говорить о наличии там капитализма, о непрерывности капиталистических отношений, имевших место, якобы, как в древнее время, так и в средние века. В хозяйственной структуре Балканского полуострова изучаемого нами времени И. Саказов, например, указывая на существование таких городов, как Константинополь, Фессалоника и другие, усматривал „элементы капиталистической промышленности, сохранившиеся еще от римского времени“, „характерные черты капитализма“.⁴ Мы наблюдаем здесь обычное в буржуазной историографии смешение товарного производства с производством капиталистическим, смешение, всю ошибочность и недопустимость которого убедительно показывает марксистско-ленинское учение. Касаясь этого вопроса, И. В. Сталин писал, что „нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства... Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не

¹ Сам., стр. 500₁₇—19.

² Сам., стр. 504₉—10.

³ Сам., стр. 504₁₁—17. Ср. также стр. 511₂₀—512₁. Наглядную иллюстрацию к этим словам Камениаты дает житие Феодоры Солунской. В нем рассказывается, что после того как остров Эгина, откуда Феодора была родом, подвергся нападению арабов и был опустошен (в 20-х годах IX в., — см.: В. Г. Васильевский. Один из греческих сборников Московской синодальной библиотеки. ЖМНП, ч. 248, 1866, стр. 87—89), Феодора вместе с отцом и мужем направилась в Фессалонику и поселилась там, узнав, что „охраняемая, помимо бога, предстательством своего защитника и покровителя, всехвального мученика Димитрия, она является непреодолимой от всех наступающих зол“ (Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Изд. еп. Арсения, Юрьев, 1899, стр. 4 и 41; 27 и 68). Ср. также показания жития Луки Эладского (MPG, 111, стр. 441—480). Житие патриарха Игнатия (Mansi, Conciliorum amplissima collectio, XVI, 209—291; MPG, 105, стр. 488—574) сообщает о переселении в Фессалонику, вследствие нашествия арабов, критского епископа Василия. По причине арабских нашествий переселился из Сицилии в Пелопоннес, а затем в Фессалонику и Иосиф Песнописец.

⁴ I. Sakázov, ук. соч., стр. 69; Ср.: L. Brentano. Die byzantinische Volkswirtschaft, 1917. (Русский перевод И. И. Яковкина: Народное хозяйство Византии. Л., 1924).

привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму“.¹

Товарное производство вообще не являлось основой хозяйственной жизни рабовладельческого и феодального, в частности византийского, обществ. В основе своей экономическая жизнь Византийской империи носила потребительский характер, а товарное производство лишь обслуживало натуральнохозяйственную основу. Больше того, сами центры товарного производства — Константинополь, Фессалоника и другие — не порвали еще своей связи с сельским хозяйством. Совершенно неверно утверждение некоторых буржуазных ученых, будто фессалоникское население в рассматриваемое нами время занималось исключительно ремеслом и торговлей.² Фессалоника X в. отнюдь не утратила еще свою связь с сельским хозяйством и земледелие продолжало играть в ней попрежнему большую роль.³ Сочинение Иоанна Камениаты содержит тому целый ряд доказательств. Благополучие жителей Фессалоники Камениата объясняет двумя причинами: богатством земледелия и доходами торговли (*ἡδὲν αἱ τῆς γεωργίας ἀφθονίαι, ἐκείθεν αἱ τῆς ἐμπορίας χορηγίαι*).⁴ „Ибо земля и море, издавна предназначенные служить нам, — говорит Камениата, — доставляют каждое богатые и безвозмездные дары“.⁵

Камениата позволяет увидеть также и те виды сельскохозяйственных культур, которые по преимуществу возделывались горожанами. В описании Камениатой окрестностей Фессалоники легко заметить определенную закономерность: более отдаленные районы как западной, так и восточной равнины, заселенные земледельцами, были заняты под зерновые культуры и пастбища для скота, а ближайшие пригороды — под сады и виноградники.⁶ Собственники пригородных проастиев использовали, как мы видим, свои земельные участки главным образом под наиболее выгодные и доходные виды земледельческих культур, допускавших наиболее интенсивную эксплуатацию земли. Правда, крупные землевладельцы Фессалоники, и в первую очередь церковь Димитрия, могли иметь также и пахотные земли. Эти земли были расположены, однако, уже на более значительном расстоянии от города: из жития Илариона Грузина (конец IX в.) видно, что один дьякон церкви Димитрия, отправившись однажды за город для обозрения своих пашен, должен был пройти от города довольно большое расстояние.⁷

¹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

² См., например: I. Sakázov, ук. соч., стр. 115, 116. Саказов утверждает, что Константинополь и Фессалоника, как и другие крупные фракийские и приморские города, занимались уже в VIII и IX вв. исключительно ремеслом и торговлей. Ср.: A. Struck, ук. соч., стр. 540.

³ На занятие жителей Фессалоники земледелием в VI—VII вв. дважды указывают Acta Demetrii. В первом случае рассказывается, что во время приближения врага к Фессалонике многие горожане находились на полевых работах (MPG, 116, стр. 1292); во втором случае говорится о том, что по причине внезапного нападения жители были застигнуты врасплох вне городских стен и захвачены врагом вместе с рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями (MPG, 116, стр. 1337).

⁴ Cam., стр. 500₄—5.

⁵ Cam., стр. 500₅—7: ἡ γὰρ καὶ θάλασσα λειτουργεῖν ἡμῖν ἐξ ἀρχῆς ταχθεῖσαι πλουσίαν καὶ ἀδελφόν τῆν περὶ ἑκάστον ἐβωροφύρον. В точном переводе слово „ἀδελφόν“ означает „не вводящий в издержки“, „обходящийся даром“.

⁶ См. выше, стр. 67.

⁷ Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пгр., 1914, стр. 61.

Фессалоникийцы, как это можно видеть из других, близких по времени к Камениате, источников, имели виноградники и в пределах самого города. В житии того же Илариона Грузина рассказывается, что Иларион, приехав в Фессалонику, увидел перед дверьми одного виноградника сторожа и попросил у него кисть винограда.¹ О наличии в городе возделанной земли и виноградников свидетельствует также запродажная 897 г.²

Камениата показывает нам, что горожане занимались также рыболовством. „Реки, — пишет Камениата, — доставляют городу большое изобилие благодаря доходам, проистекающим от рыболовства“.³ Рассказывая об одной хитрости, придуманной арабами во время осады города, Камениата упоминает о лодках, „которыми пользовались наши рыбаки для ловли рыбы“.⁴

Мы видим, таким образом, что даже такой крупнейший ремесленный и торговый центр Византийской империи, каким являлась Фессалоника, имевшая высоко развитое, дифференцированное по отдельным отраслям ремесленное производство, и издавна налаженные обширные торговые связи, был, тем не менее, и на рубеже IX—X столетий типичным средневековым городом, жители которого частично занимались и сельским хозяйством, удовлетворяя некоторые свои потребности натуральнохозяйственным путем.

Сочинение Камениаты, предоставляя целый ряд прямых и косвенных данных о развитии ремесленного производства в Фессалонике, дает лишь самые общие намеки по вопросу о внутренней его организации. Относительно организации ремесла в провинциальных городах Византийской империи источники вообще оставляют нас, как известно, в полном неведении. „Книга епарха“ дает сведения только для Константинополя, специфика которого, как столичного города, не могла не наложить своего особого отпечатка на организацию его ремесла и торговли; организация ремесла и торговли в провинциальных городах, в частности, в Фессалонике, не могла быть, само собой разумеется, точной копией организации константинопольской. Совершенно очевидно, с другой стороны, что здесь должны были иметь место и какие-то общие тенденции.

Большой интерес в этом отношении представляют некоторые акты из архивов афонских монастырей, изданные в 1948 г. Ф. Дельгером.⁵ Один из этих актов, датированный 1295 г., свидетельствует о наличии в Фессалонике цеха нотариев;⁶ в другом, от 1320 г., в качестве свидетеля фигурирует старшина цеха мироваров (τοῦ ἐξάρχου τῶν μυρεψῶν) Феодор Брахнос.⁷ Наконец, из документа о продаже четырех домов в Фессалонике в пользу Иверского монастыря (1326 г.) мы узнаем о существовании в городе цеха строителей домов.⁸ Все эти документы относятся, правда, к значительно более позднему, чем интересующее нас здесь, времени. Однако и в принадлежащем к самому началу XI сто-

¹ Там же, стр. 59.

² G. Rouillard et P. Colom p. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, N 1, стр. 1—4. Ср. для XII в.: Eustathe, Laudatio s. Demetrii. MPG, 136, стр. 213.

³ Сам., 496₁₅—18: „ποταμοί... πολλήν δαψίλειν... τῇ πόλει παρέχονται ταῖς τε χορηγίαις ταῖς ἀπὸ τῶν ἰχθύων...“.

⁴ Сам., 530₈—7: „αἰς πρὸς τὴν θῆραν τῶν ἰχθύων οἱ καθ' ἡμᾶς ἀλειῖς ἐκέχρηντο“.

⁵ Aus den Schatzkammern des hlg. Berges, hsg. v. F. Dolger, München, 1948.

⁶ Там же, № 59/60, стр. 152 сл.

⁷ Там же, № 111, стр. 301 сл.

⁸ Там же, № 112, стр. 305. Ср.: W. Regel, E. Kurtz, C. Korablev. Actes de Zographou. Виз. вр., т. XIII, 1907, приложение № 25, 72.

летия (1008 г.) протоколе свидетельских показаний мы встречаемся с экзархами (ἐξάρχου) Иоанном и Андреем, в которых издатель актов видит цеховых старейшин.¹ Известно, что в качестве цеховых старейшин выступают экзархи и в „Книге эпарха“.² Таким образом, сам тот факт, что в Фессалонике, как и в Константинополе, существовала цеховая организация ремесла, становится весьма вероятен. Но каково было внутреннее устройство фессалоникских цехов, какими правами пользовались и какие обязанности несли члены этих цехов, насколько велика была свобода деятельности цеховых ремесленников и торговцев, — все эти и подобные им вопросы попрежнему остаются для нас совершенно невыясненными. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют в настоящее время ответить на эти вопросы. Здесь мы хотим лишь попытаться, пользуясь совпадением во времени „Книги эпарха“ и сочинения Камениаты, сопоставить некоторые данные этих источников и сделать посильные выводы хотя бы самого общего порядка.

„Книга эпарха“ показывает, что деятельность константинопольских ремесленников и торговцев, объединенных в цехи, находилась под постоянным контролем и подвергалась жесткой регламентации со стороны представителя центральной власти — городского эпарха и его аппарата.³

Каждый ремесленник и торговец имел право заниматься только одной какой-либо профессией или какой-либо одной отраслью торговли.⁴ Занятие двумя даже смежными профессиями категорически запрещалось.⁵ Члены цехов не могли выйти из тесных и строго установленных границ регламентации: часы их работы и оплата,⁶ закупка сырья, количество и качество выпускаемых изделий,⁷ их размеры и место изготовления,⁸ — все это было точно определено. Ремесленникам запрещалось изготавливать целый ряд предметов, находившихся в государственной монополии; торговля наиболее ценными и высокосортными тканями была ограничена или вовсе запрещена.⁹

Ремесленники и торговцы не имели права покупать сырье, необходимое для их непосредственного производства,¹⁰ а также задерживать закупленные товары в целях спекуляции.¹¹ Эпарх и его помощники определяли цены товаров и норму прибыли.¹²

Внутренняя жизнь цеха находилась под такой же мелочной опекой. Выбор старшин цеха зависел фактически от воли и желания эпарха.¹³ Прием новых членов также зависел в большинстве случаев от эпарха¹⁴ и сопровождался определенным вступительным взносом в пользу госу-

¹ Aus den Schatzkammern des hlg. Berges, hsg. v. F. Dölger, № 109, стр. 295.

² Книга эпарха, V, 1; VI, 4. Ср.: М. Я. Сюзюмов. „Книга эпарха“, стр. 36; А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 143.

³ О месте константинопольского эпарха в системе византийского централизованного управления, об его функциях и аппарате см.: Ф. И. Успенский. Константинопольский эпарх. ИРАИК, т. IV, вып. 2, София, 1899, стр. 79—104; М. Я. Сюзюмов. „Книга эпарха“, стр. 33, 34, 36; А. П. Каждан, ук. соч., стр. 148 сл.

⁴ Книга эпарха, II, 1; IV, 1; V, 1, 4; VI, 1; VIII, 6; IX, 1; X, 1, 6; XI, 2; XII, 6; XIII, 1; XIV, 2; XV, 6; XVII, 2; XVIII, 5.

⁵ Там же, IV, 7; XIV, 2.

⁶ Там же, I, 25; XIX, 3.

⁷ Там же, II, 8, 9; VII, 1; VIII, 1, 2; X, 2; XI, 3; XVI, 5.

⁸ Там же, II, 2; VI, 1, 13; XVIII, 4.

⁹ Там же, IV, 2; VIII, 1, 2.

¹⁰ Там же, II, 1.

¹¹ Там же, X, 2.

¹² Там же, XV, 2; XVII, 1, 2, 3; XVIII, 1; XIII, 5.

¹³ Там же, I, 22; XIV, 2.

¹⁴ Там же, I, 3; II, 11; IV, 5; VII, 3; XII, 2; XXI, 7.

дарственного казначейства и цеха.¹ Члены цеха должны были следить друг за другом, а также за лицами, не входившими в цех и тайком занимавшимися деятельностью, являвшейся монополией данного цеха, и доносить о замеченных нарушениях.² Умолчание каралось так же, как и само нарушение.³

Взаимоотношения между хозяевами мастерских и их подручными также были строго определены. Хозяин мастерской имел право заключать с работниками договор и выплачивать ему деньги на срок, не превышающий одного месяца;⁴ число работников было ограничено.⁵ До истечения срока действия договора и отработки полученной платы работник не имел права наниматься к другому хозяину;⁶ хозяин, в свою очередь, не имел права переманивать к себе чужого работника.⁷ За малейшую провинность члены цеха подвергались всевозможным наказаниям (штраф, конфискация имущества, изгнание из цеха, острижение, наказание плетью и т. п.).⁸

Чрезвычайно строгий режим существовал в области внешней торговли. Константинопольским купцам не только запрещался вывоз целого ряда товаров за границу, но и продажа их иностранцам в самом Константинополе.⁹

Торговая деятельность иногородних и иностранных купцов в столице была поставлена в строго определенные рамки. Иностранные купцы, приезжавшие в Константинополь, могли оставаться в городе лишь ограниченное время, в течение которого они обязаны были не только распродать привезенные товары, но и сделать все необходимые для себя закупки.¹⁰ В том случае, если купцы, продававшие восточные ткани, не успевали сбыть свои товары в установленный срок, они обязаны были представить остаток эпарху, — последний давал указания о распределении оставшихся тканей, с тем, чтобы ничего не было вывезено за пределы города.¹¹ Иностранные купцы, привозившие в Константинополь восточные ткани и ковры, не имели права продавать свои товары непосредственно потребителю. Они обязаны были складывать свои товары в одном определенном месте — митате — и продавать их в первую очередь представителям константинопольских торговых организаций.¹² Закупленные таким образом товары распределялись затем между членами корпораций соответственно внесенной каждым сумме взноса¹³ и только после этого поступали на рынок.

„Книга эпарха“ изображает режим строжайшей регламентации, имевшей место в отношении константинопольского ремесла и торговли;

¹ Книга эпарха, I, 14; IV, 5; VI, 6; VII, 3; XII, 2.

² Там же, II, 4, 6; III, 2; XI, 6; XIII, 4.

³ Там же, III, 2; XI, 6.

⁴ Там же, I, 19; VI, 2; VIII, 12.

⁵ Там же, I, 24; III, 4.

⁶ Там же, VIII, 10; XXII, 1, 2, 3.

⁷ Там же, VI, 3; VIII, 10.

⁸ Там же, II, 2, 5, 9; III, 3—6; IV, 1—4, 7—9; V, 1, 2, 5; VI, 1, 4, 10—16; VII, 1, 6; VIII, 2—5, 7, 8; IX, 2, 4, 5, 7.

⁹ Там же, II, 4; IV, 1, 8; VI, 12.

¹⁰ Там же, V, 5; X, 2; XX, 2.

¹¹ Там же, V, 5; XX, 1. Надзор за иностранными купцами был поручен особому должностному лицу — легатарии (XX, 1, 2).

¹² Там же, V, 2. Правда, высшие слои константинопольской знати могли покупать товары непосредственно у иностранных купцов, но лишь в количестве, необходимом для их собственного потребления (V, 4).

¹³ Там же, V, 3. Сообща происходила также покупка шелка-сырца (VI, 8; VII, 4); сообща делали закупки и отониопраты (IX, 3, 6).

константинопольские ремесленники и торговцы, так же как и иностранные и иногородние купцы, находились под постоянным, бдительным и мелочным надзором со стороны государства.

Те немногочисленные и косвенные сведения, которые мы находим по этому вопросу у Иоанна Камениаты, дают нам некоторые основания предполагать, что ремесленники и торговцы Фессалоники, как и приезжавшие туда чужеземные купцы, пользовались большой свободой действия.¹ Целый ряд запретов и ограничений, имевшихся в Константинополе, столице империи, был невозможен и просто ненужен в Фессалонике.

Камениата показывает, что чужеземные купцы, отовсюду прибывавшие в город, далеко не всегда имели Фессалонику конечной целью своих путешествий. Камениата говорит о „проходящих“ (τοὺς παροδευόντας) через город торговых людей, которые останавливались в Фессалонике, как в удобном транзитном пункте, следуя затем дальше в различных направлениях.² Если, таким образом, некоторые ценные товары, привозимые в Константинополь, должны были быть, как показывает „Книга эпарха“, в нем же и распроданы, то это явление не имело и не могло иметь места в Фессалонике.

Если в Константинополе иностранцы были как бы отгорожены от прочего купечества столицы, то этого не чувствуется в Фессалонике. Здесь, очевидно, не была распространена практика крупных оптовых закупок для того или иного цеха, — торговля шла непосредственно между иностранцами и жителями Фессалоники, рядовыми ремесленниками и торговцами. Камениата, во всяком случае, рисует живую картину того, как прибывающие в город по Via Egnatia иноземные купцы заполняют вместе с местными жителями улицы Фессалоники и заключают между собой на рынке бесчисленные торговые сделки.³

У Иоанна Камениаты мы не находим также никаких намеков на какое-либо регулирование этих торговых сделок или на ограничение процента прибыли. Наоборот, у него имеются указания на то, что у многих фессалоникийцев, благодаря оживленной торговой деятельности, скапливалось обилие золота, серебра и других драгоценностей.⁴

Если в Константинополе одной из первейших забот императора и правительства являлось регулирование нормального хода торговли и тем самым обеспечение в столице спокойствия, то такой строгий режим был излишним в провинциальном городе.

Фессалоникские ремесленники и торговцы не могли иметь также тех тесных связей с императорским двором и находиться в такой непосредственной зависимости от его заказов, как это имело место в Константинополе.⁵

Подтверждением большой свободы торговли в Фессалонике служит, безусловно, также и сам по себе факт наличия в городе крупнейших ежегодных ярмарок.

¹ Ср.: К. Dieterich, ук. соч., стр. 39, 40.

² Сам., стр. 500₁₀₋₁₇. См. выше, стр. 76.

³ Сам., стр. 500₁₇₋₂₁. См. выше, стр. 76.

⁴ Сам., стр. 500₂₁₋₂₂. Правда, и в Константинополе имелись некоторые привилегированные цехи, для которых норма прибыли также не была установлена.

⁵ А. П. К а ж д а н, ук. соч., стр. 147—149.